

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 39. С. 101–109
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 327.5(470.6)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.101>

Религиозный и этнорелигиозный экстремизм в условиях нетранспарентности мировой политики

А. В. Исаев*

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, Российская Федерация

В. А. Матвиенко

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Проанализированы методологические и практические проблемы изучения религиозного и этнорелигиозного экстремизма в современном обществе. Детально изучены существующие на данный момент понятийные оценки, выявлены имеющиеся взаимосвязи религии, терроризма и экстремизма. Использованный алгоритм позволил определить организационные формы и методы агрегирования негативных факторов, распространенные механизмы, препятствующие мирному сосуществованию членов мирового сообщества. Сделан акцент на необходимости проведения грамотной и выверенной социальной политики (образовательной, семейной, информационной), учитывающей интересы различных социальных и религиозных групп. Результаты исследования позволили констатировать факт того, что именно тиражирование экстремистской идеологии способствует росту террористической угрозы и собственно новым террористическим актам. Сделан вывод, что религиозный экстремизм следует рассматривать в качестве упорядоченной социальной деятельности людей, объединенных религиозно-политической идеологией и совершающих действия, направленные на изменение сложившегося социально-политического устройства.

Ключевые слова: политика, религиозный экстремизм, этнорелигиозный экстремизм, терроризм, мировая политика, религия.

Для цитирования: Исаев А. В., Матвиенко В. А. Религиозный и этнорелигиозный экстремизм в условиях нетранспарентности мировой политики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 101–109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.101>

Original article

Religious and Ethno-Religious Extremism in the Conditions of Non-Transparency of World Politics

A. V. Isaev

Middle Russia Institute of Management – the Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Oryol, Russian Federation

V. A. Matvienko

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. The article deals with the analysis of methodological and practical problems of studying religious and ethno-religious extremism in modern society. The authors studied in detail the current conceptual estimations revealing interrelation between religion, terrorism and extremism. The algorithm

© Исаев А. В., Матвиенко В. А., 2022

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

used by the authors let them determine organizational forms and methods of aggregating negative factors, widely spread mechanisms that hinder the peaceful existence of the wider global community. The necessity of conducting a competent and adjusted social policy (educational, domestic, informational), which takes into consideration interests of different social and religious groups, has been stressed. Such policy should be well balanced, intelligently designed, and having financial and logistical support. The research has led to the conclusion that it is disseminating extremist ideology that leads to the growth of terrorist threat and to new terrorist acts themselves. In the article the authors have come to the conclusion that religious extremism should be considered as a regulated social activity of people who are united by religious and political ideology and perform actions directed at changing the established social and political structure.

Keywords: politicity, religious extremism, ethno-religious extremism, terrorism, world politicity, religion.

For citation: Isaev A. V., Matvienko V. A. Religious and Ethno-Religious Extremism in the Conditions of Non-Transparency of World Politics. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 39, pp. 101-109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.101> (in Russian)

Дифференциация матрицы глобальной безопасности в условиях геополитической турбулентности объективирует поиск новых моделей внутренней и внешней политики государств, делая этот вопрос трендовым для мирового политического процесса. В этих непростых условиях развития мирового сообщества религиозно и этнорелигиозно мотивированный экстремизм стал одной из острейших проблем человечества и серьезной угрозой политической стабильности. Поэтому вполне закономерно, что наш исследовательский интерес в рамках данной статьи актуализируется в ходе работы над обозначенной темой в достижении поставленной цели – дать оценку религиозному и этнорелигиозному экстремизму как формам девиантного поведения методами институционального анализа. Сам процесс их смысловой верификации подразумевает дефинитивное изучение рассматриваемых концептов в контексте организационного элемента деятельности членов религиозных и этнических групп.

В русле намеченных ключевых векторов авторы предполагают реализовать следующие задачи: исследовать наиболее распространенные проблемы, связанные с проявлениями религиозного и этнорелигиозного экстремизма в политических практиках внутри- и межгосударственного взаимодействия; выявить основные факторы, порождающие данные виды насилия в политическом и социальном пространстве; выработать комплекс мер, направленных на элиминацию и профилактику проявлений религиозного и этнорелигиозного экстремизма и их крайнего проявления – терроризма в условиях нетранспарентности современной политической жизни и т. п.

Эмпирическая база статьи представлена обширным пластом научных изысканий зарубежных и отечественных исследователей по теоретическим и практическим аспектам вопроса.

Возникнув в далеком прошлом как своеобразное средство для оправдания государственного террора одной религиозной конфессии в отношении другой (изначально католики против протестантов) и легитимации государственной власти, термин «религиозный экстремизм» под влиянием разного рода факторов постепенно эволюционировал, на современном этапе дифференцировавшись на сходные и вместе с тем отличные дефиниции «религиозный экстремизм» и «этнорелигиозный экстремизм».

На сегодняшний день предпринимаются достаточно успешные попытки концептуального осмысления сущности «этнорелигиозного экстремизма» в его соотношении с «религиозным экстремизмом» и их крайнего проявления – терроризма, с детальным анализом специфических характеристик, путей и механизмов их функционирования, особенно в условиях нетранспарентности мировой политики.

Сущностные и теоретические аспекты указанных понятий рассматриваются как зарубежными (Дж. Э. Алага, А. М. Бин, Д. Букай, А. Лаузьер, Р. Мейер и др.), так и российскими исследователями (отметим лишь ряд из них: Р. Р. Абдулганеев, С. С. Оганесян, Д. С. Рязанов, Ф. И. Ушков, О. Г. Годованец, А. Ш. Габараев, С. В. Кулакова, Е. М. Федорова, Л. А. Нилова, К. Ф. Фадеева, В. В. Новиков, А. В. Метелев, Т. В. Излученко и др.). Методологические аспекты исследования религиозного экстремизма и этнорелигиозного экстремизма содержатся в трудах таких авторов, как Б. Бонгар (психология терроризма), Д. Аллен (сравнительная философия и религия во времена террора), М. Аль-Рашид и М. Стерн (религиозно мотивированное насилие в современном мире), П. А. Бартон (история расизма и терроризма), Х. С. Тайсумова (виды и формы экстремизма), А. В. Варданян, Р. В. Кулешов (классификация явлений экстремизма и терроризма), О. Б. Молодов (понятие и типология экстремизма) и др. Так, по мнению зарубежных исследователей, религиозный и этнорелигиозный экстремизм и его крайнее проявление – терроризм являются «...ответом исламского, дальневосточного и индубуддистского миров на безраздельное господство западноевропейской цивилизации» [10, с. 57]; «...центральной проблемой для глобального сообщества» [11, с. 183]; «...одной из самых важных проблем безопасности, с которыми столкнулся мир после холодной войны»¹; «...не являются частью геополитики только исламского мира»². Современные российские исследователи определяют религиозный и этнорелигиозный экстремизм как «проявление интолерантности (нетерпимости) к представителям иных конфессий» [1, с. 22]; «интолерантное отношение в рамках дифференциации общественного сознания (развитие идей «свой» – «чужой»)» [3, с. 93]; «деятельность людей, объединенных религиозно-политической идеологией, направленную на изменение сложившегося социально-политического устройства» [4, с. 36]; «ответ на социально-политические, экономические и духовные проблемы» [8, с. 181], «средство достижения политических, социально-экономических, этнонациональных и религиозных целей» [9, с. 117] и т. п.

Практический взгляд на обозначенную в рамках данной статьи научную проблему более структурно дифференцирован и включает в себя разноплановые публикации зарубежных и отечественных ученых, анализирующих профессиональную составляющую в деятельности религиозных и этнорелигиозных организаций и формы их реальной деятельности в различных регионах мира, а также меры по противодействию экстремизму (Х. Бейман, Б. Купер,

¹ Telhi Sh. Between terrorism and religious extremism. URL: <https://www.brookings.edu/testimonies/between-terrorism-and-religious-extremism/> (mode of access: 27.07.2021).

² Hamed Abdel-Samad "Moderate Muslimbrüder? Wie Naiv!" // Die Presse. URL: <https://taz.de/Wie-geht-es-nach-Mursis-Sturz-weiter!/5063914/> (date of access: 27.07.2021).

Дж. Эйфельд, Р. Л. Юбен, М. К. Заман, А. М. Курбанова, С. М. Бурим, Р. Б. Иванченко, П. В. Масычев и мн. др.). В современном политическом дискурсе встречаются мнения об «использовании ксенофобии, ненависти к евреям и мусульманам, антифеминизма и антииммиграционных настроений для вовлечения в радикальные экстремистские организации»³, смещении «баланса и интенсивности террористических атак в сторону их наращивания по политическим и религиозным мотивам» [6, с. 102], а также возрастании «опасности деструктивного воздействия различных видов экстремизма на социально-политическую жизнь в России в ближайшей перспективе» [7, с. 229] и др.

Безусловно, практическая значимость рассматриваемой эмпирии может быть востребована как в краткосрочной (анализ основных религиозных и аффилированных с ними видов экстремизма, степень их деструктивной реакции на мировые политические процессы), так и в среднесрочной перспективе (постоянный ситуационный мониторинг с целью разработки адаптированной к обстоятельствам эффективной системы противодействия).

Вместе с тем интенсификация трансформационных процессов не только затронула массовую культуру и развитие науки, создав новый контур для финансовых и информационных потоков, перенаправив движение капитала и миграцию людей, но и повлияла на формат мировой политики, изменив его с транспарентного (открытого, честного, прозрачного) на противоположенный по содержанию и характеру – нетранспарентный, а также совершенно по-новому определив место и роль в ней религиозного и этнорелигиозного экстремизма.

К условиям нетранспарентности мировой политики, влияющим на степень опасности деструктивного воздействия рассматриваемых в рамках нашего исследования форм экстремизма, следует отнести несколько групп формирующих их факторов – существующих синхронно и (или) дополняющих друг друга и только в редких случаях конфликтующих.

Первая группа, так называемых традиционных, факторов – экономическая, включает в себя следующие активные драйверы: колебания цен на нефть; рост безработицы; углубление кризисных явлений, коренным образом ломающих привычный образ жизни простых людей и оказывающих влияние практически на все важные сферы. По данным обзора МВФ – World Economic Outlook, 2020 г. стал для мировой экономики худшим за последнее столетие, по его итогам сокращение глобального ВВП стран мира составило 3,3 %⁴. Но, несмотря на достаточно оптимистичный прогноз Еврокомиссии (ЕК) о возможном росте ВВП на 5,6 % в 2021 г., на 4,6 % в 2022 г., а также о росте мировой экономики на 4,3 % по сравнению с предыдущими показателями⁵, предполагать вероятность каких бы то ни было позитивных изменений в ближайшем будущем в контексте рассматриваемой нами проблемы пока не представляется возможным.

³ Terrorism in the EU: geographically widespread and multifaceted. URL: <https://www.europol.europa.eu/news-room/news/terrorism-in-eu-geographically-widespread-and-multifaceted> (date of access: 27.07.2021).

⁴ ВВП стран мира – 2020. ВВП на душу населения. URL: <http://global-finances.ru/vvp-stran-mira-2020/> (date of access: 27.07.2021).

⁵ Еврокомиссия улучшила прогноз по росту ВВП России на 2021 год до 2,7 %. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11350897> / (date of access: 27.07.2021).

Именно эти факторы в первую очередь воздействуют на территориальную локализацию и интенсивность крайней формы проявления этнорелигиозного и религиозного экстремизма – терроризма на современном этапе. Также они, обусловив экономическую составляющую состояния нетранспарентности, перманентно воздействуют на динамику численности и внешнюю фрагментацию религиозного и этнорелигиозного экстремизма, процесс их радикализации, провоцируют возможные акты терроризма в отдельных регионах мира, в рамках развития определенных процессов главным образом зависящих от самой региональной специфики. Несмотря на очевидные попытки большинства террористических организаций этнорелигиозной и религиозной направленности объяснить подавляющее число совершенных ими атак достижением провозглашенных ими целей, их связью с религией, в реальности это не всегда так. Интересно в этой связи деятельность ряда ближневосточных государств (Кувейта, Пакистана, Саудовской Аравии) по созданию и финансированию этнорелигиозных террористических экстремистских группировок исламистской направленности в регионах, входящих в сферу их экономических интересов, которая в очередной раз подтверждает установленный нами ранее факт, что «наибольший размах действий, наивысшая степень организованности присуща именно исламскому терроризму» [5, с. 145].

Имеющиеся в настоящее время деструктивные примеры этнорелигиозного и религиозного экстремизма зачастую коррелируют с негативными экономическими проявлениями нетранспарентности политической жизни, определяя уровень протестного потенциала и готовность населения современных государств прибегать и оправдывать нелегитимное насилие. Подтверждением этого являются последние данные ежегодно публикуемого «Глобального индекса терроризма» (Global Terrorism Index), фиксирующего показатели террористической активности в странах мира (2020 г.). В первую десятку стран с наиболее высоким индексом террористической угрозы входят: Афганистан (9,59), Ирак (8,68), Нигерия (8,31), Сирия (7,77), Сомали (7,64), Йемен (7,58), Пакистан (7,54), Индия (7,35), ДР Конго (7,17), Филиппины (7,09)⁶.

В большинстве из перечисленных государств под влиянием экономической составляющей заметно активизировались именно этнорелигиозные террористические группировки (оттеснив на второй план более умеренный религиозный экстремизм), имеющие альтернативные источники финансирования, отстаивающие интересы различных «теневых» структур: подпольные ячейки «Исламского государства» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) в Афганистане; «Освободительная армия Белуджистана», «Исламское государство Ирака и Левант – провинция Хорасан» (ISIL-КП или ISKP) в Пакистане; ISIL или «Исламское государство – Восточная Азия» на Филиппинах т. п.⁷ Документально зафиксировано, что из 11 109 террористических актов, совершенных «ИГИЛ» («Исламское государство») или же людьми, вдохновленными этой

⁶ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020 Available from. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (date of access: 27.07.2021).

⁷ Террористические организации, запрещены на территории Российской Федерации.

террористической организацией, за период с 1970 по 2018 г., примерно 3,4 % по своему характеру были религиозными⁸.

Проведенный промежуточный анализ позволяет говорить о том, что именно экономическая группа факторов нетранспарентности современной мировой политики, оказывая преимущественно внешнее воздействие на этнорелигиозный и религиозный экстремизм и их крайнее проявление – терроризм, провоцирует обострение ситуации, когда они применяются для достижения поставленных целей (присвоение имущества, материальных благ) или же обретения важного ресурса (нефть, газ), а также для элиминации конкуренции в экономической деятельности путем применения насилия, давления, актов ущемления одной группы в отношении к другой.

Вторая, даже в большей степени традиционная, группа факторов нетранспарентности мировой политики – собственно политическая, оказывающая прямое воздействие на моделирование ее внутренней конфигурации, представлена следующим набором контокоррентных драйверов: транснационализация в целом и становление транснациональной политической среды (парциальная эрозия традиционных функций наций-государств и их привилегий); расколы современного политического пространства, его фрагментация и дезинтеграция (резкий рост количества новых негосударственных и надгосударственных акторов, действующих на международной политической сцене); потенцирование оригинальных встречных коммуникаций между внешне- и внутривнутриполитическими сферами (возрождение старых и появление новых осей напряженности и конфликтов, сопровождающихся подъемом насилия).

Эта группа факторов оказывает влияние на моделирование ситуаций, позволяющих отделять религиозный экстремизм от этнорелигиозного; определять особенности аградации стратегии и идеологии групп и организаций, использующих в своей деятельности религиозную составляющую или мотивацию; инновационные способы рекрутирования и т. п.

В первую очередь современный дискурс интерференции группы политических факторов нетранспарентности на идеологию этнорелигиозных и религиозных экстремистских организаций преимущественно связан с изменением актуального политического контекста, подтверждением чему служат примеры деятельности мусульманских, христианских, еврейских и индуистских экстремистов («Братья-мусульмане», движение «Талибан», «Исламское государство», «Национальный освободительный фронт Трипуры», «Восточная молния» и мн. др.)⁹. Так, «Исламское государство» и аффилированные с ним вооруженные группировки, потерпев ряд крупных поражений в Ираке и Сирии и фактически потеряв все шансы на воплощение в жизнь своего главного псевдогосударственного исламистского проекта, положенного в основу стратегии этой организации, вынуждены были переориентироваться на «сетевой принцип». Под действие нового нарратива подпадают целые регионы и отдельные

⁸ Global terrorism index 2019 measuring the impact of terrorism. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (date of access: 27.07.2021).

⁹ Террористические организации, запрещены на территории Российской Федерации.

национальные государства (Европа, Латинская Америка, Африка, Ближний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия и др.).

Кроме того, в постоянно конвертирующихся политических условиях не-транспарентности перед большинством религиозных и этнорелигиозных экстремистских организаций постоянно выдвигаются задачи по поиску новых форм рекрутирования. Применяемые ими способы подбора «персонала» на современном этапе включают в себя как прямое общение, так и более широкое использование информационных и цифровых технологий и, как следствие, более масштабную опосредованную вербовку из различных слоев населения. К примеру, в Индонезии подобными методами активно пользуется исламская джихадистская коалиция, назвавшая себя «Аль-Каида Индонезия в Аче», в которую входят боевики, отколовшиеся от «Джамаа Исламия», «Джамаа Аншарут Таухид» и другие подобные экстремистские группировки¹⁰, стремящиеся к решительным действиям диверсионно-террористического характера¹¹. В докладе MEMRI (2020 г.) констатируется всплеск интернет-активности радикалов (запуск новых подпольных СМИ, появление различных аккаунтов на Facebook и активация уже действующих Telegram-каналов и т. п.)¹².

И, наконец, третью группу, в данном случае переменных, факторов не-транспарентности мировой политики составляют условия, связанные с распространением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и ее влиянием практически на все сферы жизни, в том числе и на объект нашего исследования. Эта группа выполняет функцию интенсификатора всех негативных и кризисных явлений (социальных, политических, экономических) и процессов (социальная неприязнь, рост преступности; радикализация отчаявшихся людей, особенно молодежи, вражда на религиозной почве и т. п.). И несмотря на определенное фиксируемое снижение террористической активности в текущий период времени, связанное прежде всего с действием строгого пограничного контроля и закрытием границ между государствами, террористическая угроза по-прежнему сохраняется, особенно в неблагополучных странах. Все это в будущем способно привести не только к возрастанию экономического ущерба от пандемии, но и к возникновению ситуации «психологического стресса и недовольства правительством, с дальнейшей радикализацией на опасном уровне» [2, с. 27].

Таким образом, перед современными государствами и их руководителями стоит ряд важнейших задач, направленных на разработку и принятие адекватных, упреждающих политических и социально-экономических решений, способных лишить этнорелигиозные и религиозные экстремистские организации в условиях пандемии их тактического преимущества.

¹⁰ Запрещены на территории Российской Федерации.

¹¹ Индонезия: «христианизация» и религиозная нетерпимость. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/asia/south-east-asia/indonesia/indonesia-christianisation-and-intolerance> (date of access: 27.07.2021).

¹² Беляев Д. Терроризм в эпоху пандемии. Как коронавирус повлиял на безопасность в мире? URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8926009> (дата обращения: 27.07.2021).

Список литературы

1. *Барина Г. В., Лонский Я. А.* Религиозный экстремизм и его основные сущностные признаки // Журнал философских исследований. 2018. № 4, Т. 4. С. 21–25.
2. *Бережная Н. В.* Трансформация терроризма в условиях глобальной пандемии // Достижения науки и образования. 2020. № 15 (69). С. 25–28.
3. *Годованец О. Г., Оганесян С. С.* К вопросу о специфике проявления религиозного экстремизма в разные ментальные цивилизации // Казанский педагогический журнал. 2016. № 5 (118). С. 88–95.
4. *Излученко Т. В.* Принципы формирования «идеального государства» в религиозном экстремизме: новый социальный порядок // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 36–44.
5. *Исаев А. В., Матвиенко В. А.* Международный религиозный экстремизм и терроризм в условиях конфликтогенности мировой политики // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 4 (54). С. 142–148.
6. *Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н., Сумачев А. В.* Антитеррористическая стратегия России // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 1. С. 100–108.
7. *Найденко В. Н.* Разновидности экстремизма и их влияние на социально-политическую жизнь России // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 225–244.
8. *Рязанов Д. С.* Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 177–184.
9. *Татуниц С. А., Пискарев М. Д.* Этнорелигиозный экстремизм как проблема государственной и общественной безопасности: вопросы концептуального осмысления // Вестник Российской нации. 2018. № 5 (63). С. 107–118.
10. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и передел мира. М. : АСТ, 2003. 603 с.
11. *Martin G.* Understanding terrorism: challenges, perspectives, and issues. 3rd ed. Los Angeles [etc.] : Sage, 2010. 540 p.

References

1. Barinova G.V., Lonsky Y.A. Religioznyj ekstremizm i ego osnovnye sushchnostnye priznaki [Religious extremism and its main essential features]. *Zhurnal filosofskih issledovaniy* [Journal of Philosophical Research], 2018, no. 4, vol. 4, pp. 21-25. (in Russian)
2. Berezhnaya N.V. Transformatsiya terrorizma v usloviyakh globalnoj pandemii [Transformation of terrorism in the conditions of a global pandemic]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* [Achievements of science and education], 2020, no. 15 (69), pp. 25-28. (in Russian)
3. Godovanets O.G., Oganesyanyan S.S. K voprosu o specifikе proyavleniya religioznogo ekstremizma v raznye mental'nye civilizatsii [On the question of the specifics of the manifestation of religious extremism in different mental civilizations]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2016, no. 5 (118), pp. 88-95. (in Russian)
4. Radiuchenko T.V. Principy formirovaniya "idealnogo gosudarstva" v religioznom ekstremizme: novyj socialnyj poryadok [Principles of the formation of an "ideal state" in religious extremism: a new social order]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2019, no. 3 (133), pp. 36-44. (in Russian)
5. Isaev A.V., Matvienko V.A. Mezhdunarodnyj religioznyj ekstremizm i terrorizm v usloviyakh konfliktogennosti mirovoj politiki [International religious extremism and terrorism in the context of the conflictogenicity of world politics]. *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of Orelgiet], 2020, no. 4(54), pp. 142-148. (in Russian)
6. Kozachenko I.Y., Sergeev D.N., Sumachev A.V. Antiterroristicheskaya strategiya Rossii [Anti-terrorism strategy of Russia]. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, 2018, no. 1. pp. 100-108. (in Russian)
7. Naidenko V.N. Raznovidnosti ekstremizma i ih vliyanie na socialno-politicheskuyu zhizn' Rossii [Varieties of extremism and their impact on the socio-political life of Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is being reformed], 2020, no. 18, pp. 225-244. (in Russian)
8. Ryazanov D.S. Religioznyj ekstremizm, religiozno-politicheskij ekstremizm i religioznyj fundamentalizm: obshchee, osobennoe, edinichnoe [Religious extremism, religious-political extremism and

religious fundamentalism: General, special, single]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [News of the Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies], 2014, no. 1, pp. 177-184. (in Russian)

9. Tatunts S. A., Piskarev M.D. Etnoreligioznyy ekstremizm kak proble-ma gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti: voprosy konceptual'nogo osmysleniya [Ethno-religious extremism as a problem of state and public security: issues of conceptual understanding]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation], 2018, no. 5 (63), pp. 107-118. (in Russian)

10. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij i peredel mira* [The clash of civilizations and the redistribution of the world]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Исаев Алексей Владимирович

кандидат политических наук, доцент,
кафедра гражданско-правовых дисциплин
и социального обеспечения

Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 302028,
г. Орел, бульвар Победы, 5а
e-mail: IsaevLesh@yandex.ru

Матвиенко Валентина Анатольевна

кандидат политических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
Российская Федерация, 399770, г. Елец,
ул. Коммунаров, 28
e-mail: vamatv@mail.ru

Information about the authors

Isaev Alexey Vladimirovich

Candidate of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Department of Civil
and Legal Disciplines and Social Security
Middle Russia Institute of Management – a
Branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
5a, Pobeda av., Oryol, 302028, Russian
Federation
e-mail.ru: IsaevLesh@yandex.ru

Matvienko Valentina Anatolyevna

Candidate of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Senior Researcher
Bunin Yelets State University
28, Kommunar'y st., Yelets, 399770,
Russian Federation
e-mail: vamatv@mail.ru